

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University



Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1480-1487, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1480
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>



UDC 93/94

The Emirate of Bukhara and the Khanate of Khivan in Foreign Policy of the Russian Empire: Experience of the Frontier Modernization

Yuliya A. Lysenko ^{a, *}, Yurii M. Goncharov ^a

^a Altai State University, Russian Federation

Abstract

The paper is devoted to the analyses of the policy of the Russian Empire for the Khanate of Khivan and the Emirate of Bukhara. These states are viewed as the Central Asian Russian possessions of the frontier region, it is characteristic a number of signs: a special political and legal status (protectorate), the existence of a border, autonomous administrative and management system, judicial-legal system, tax system, other ethnic population with a distinctive economic and cultural type and religious-world outlook. In this regard the Russian-Bukharian and Russian-Khiva relations between the turn of the 19th – 20th centuries the authors to consider it as a frontier modernization. Its goal was to blur the border between Russia and its Central Asian protectorates, integrate them into the imperial legal, socio-economic and cultural space, and change the ethno-demographic situation by "connecting" to the process of Russian peasant colonization. The author of the article links the beginning of active modernization reforms in Bukhara and Khiva with the Anglo-Russian settlement of the "Middle Eastern problem", as well as the internal logic of the economic development of Russia in the post-reform period, which requires the expansion of "sales markets" and legal regulation of foreign trade in Central Asia. The concrete filling of the reforms in Khiva and Bukhara was connected with the implementation of tax, monetary and military reforms, inclusion of two states in the customs zone of Russia and the establishment of Russian-Bukhara-Khiva trade relations, the phased strengthening of the administrative and political presence and the establishment of control over the Khiva Khan and Bukhara emir. In general, for the frontier modernization of Khiva and Bukhara, weighed and cautious, step-by-step in the implementation of reforms, their coordination with the rulers of the two states were characteristic.

Keywords: Russian Empire, the Khanate of Khivan, the Emirate of Bukhara, frontier, modernization.

1. Введение

Военно-политические успехи Российской империи в 1860-е гг., связанные с поглощением территорий Старшего жуза, Кокандского ханства и образованием Туркестанского генерал-губернаторства, поставили на повестку дня вопрос об урегулировании российско-бухарских и российско-хивинских отношений (Халфин, 1965). По условиям мирных межгосударственных соглашений конца 1860–1870 гг. центральноазиатские государства переходили под протекторат России. По условиям торговых договоров с Хивой и Бухарой, Россия получила право учреждения на их территории агентств и факторий, свободной торговли и транзита в азиатские страны, экстерриториальной юрисдикции для российских коммерсантов (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 33. Л. 2).

На протяжении 1870–1890 гг. имперские власти не предпринимали решительных мер, направленных на модернизацию традиционных принципов внутривосточного и социального устройства Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Данное обстоятельство объяснялось противостоянием России и Англии на Среднем Востоке, что актуализировало целесообразность

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Yu.A. Lysenko), yuriiig@yandex.ru (Yu.M. Goncharov)

сохранения буферной зоны, территориально разграничивающей сферы влияния двух империй в регионе. Англо-русское соглашение по определению границы Афганистана 1885–1887 гг. и Памирское разграничение 1895 г. привели к стабилизации международной ситуации на Среднем Востоке и поставили на повестку дня вопрос о дальнейшей судьбе Бухарского эмирата и Хивинского ханства (Парфенов, 1991).

Необходимость их включения в правовое поле Российской империи диктовалась, как минимум, двумя обстоятельствами. Во-первых, в пореформенный период происходил неизменный рост интереса российских коммерческих кругов к центральноазиатским рынкам. Во-вторых, Андижанские события 1898 г. и открытое противостояние шиитов и суннитов в Старой Бухаре в начале XX в., свидетельствовали о радикализации ислама и росте антироссийских настроений (История и историография..., 1989; Касымбеков, 1978). Таким образом, обеспечение экономических интересов, безопасности и стабильности в Центральной Азии на рубеже XIX–XX вв. стало одним из приоритетных направлений региональной внешней политики России. Именно поэтому с 1890-х гг. она преступила к фронтальной модернизации Бухарского эмирата и Хивинского ханства.

2. Материалы и методы

Анализ правовых и социально-экономических преобразований, осуществлявшихся Россией в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве рассматривается в рамках теории фронтальной модернизации. Термин «фронт»», как известно, был введен в научный оборот американским исследователем Ф.Дж. Тернером, который отводил процессам освоения/колонизации свободных земель ключевую роль в истории американской цивилизации (Тернер, 1947).

В отечественной науке теория фронта получила наибольшее теоретическое осмысление в трудах И.В. Побережникова (Побережников, 2011а; Побережников, 2011б; Побережников, 2012). К признакам фронтальной территории исследователь относил, прежде всего, наличие дихотомии центр-периферия, природных и демографических ресурсов, делающих ее привлекательной для освоения. Суть фронтальной модернизации определяется И.В. Побережниковым как сближение центра и периферии по всем параметрам, расширение социокультурных контактов населения фронтальной зоны с центром, усилением миграции на периферийные территории и ассимиляцией их населения. Фронтальная модернизация характеризуется «растянутостью и продолжительностью колониационных процессов во всем многообразии их проявления», акцентом на развитие транспортных и иных коммуникаций, милитаризацией системы административного управления фронтальной территорией. Следствием данных процессов, по мнению И.В. Побережникова становится с одной стороны конгломератность, с другой – усиление «фрагментарности» и «пространственной неравномерности» фронтального общества (Побережников, 2013: 253).

Основными источниками для анализа фронтальной модернизации Россией Бухарского эмирата и Хивинского ханства стали материалы делопроизводства центральных и региональных органов власти, отложившиеся в Российском государственном историческом архиве. Документы позволяют проследить дискуссию политических кругов России о характере и направлениях реформирования традиционных институтов двух государств, его конкретное наполнение и содержание, выявить проблемы и противоречия данных процессов.

3. Обсуждение

В современной отечественной науке теория фронта является достаточно востребованной у исследователей, занимающихся историей азиатских регионов России – Урала, Сибири, Дальнего Востока (Агеев, 1997: 30–31; Басыров, 2002: 460–463; Резун, Шиловский, 2005; Шайдулов, 2014; Lysenko, Anisimova, Bochkareva, 2015). Они солидарны в том, что пространственный фактор и тенденции перманентного расширения территории России на протяжении нескольких столетий, оказывали значительное влияние на историческую динамику страны в целом, «существенно воздействуя на ее внутренний строй, территориальную морфологию». Начавшаяся в XVIII в. модернизация, по мнению И.В. Побережникова, осуществлялась в условиях продолжавшегося расширения территории страны, присоединения новых земель и их освоения и поэтому приобрела характер фронтальной модернизации (Побережников, 2013: 254).

В.В. Алексеев историю фронтальной модернизации Азиатской России предлагает рассматривать как три последовательно сменявших друг друга волны: Уральской, в ходе которой усилия государства были направлены на формирование комплекса металлургических производств; Сибирской, связанной со строительством Транссибирской железной дороги; Дальневосточной, характеризовавшейся хозяйственным освоением восточных рубежей империи. При этом исследователь отмечает, что фронтальная модернизация Азиатской России, предполагавшая поэтапный переход от традиционности к индустриализации, диктовалась скорее «геополитическими и технологическими вызовами, нежели логикой внутреннего поступательного развития страны» (Алексеев, 2017: 6).

Доминирование восточного вектора российской колонизации и ее колоссальные усилия, направленные на включение новых территорий в процесс модернизации, имели, по мнению И.В. Побережникова, далеко идущие последствия. С одной стороны, «расширение территории

увеличивало ресурсы для хозяйственного развития, способствовало складыванию обширного внутреннего рынка», с другой – объективно создавало «предпосылки и возможности для ориентации на самодостаточное, автаркическое развитие». Поэтому Россия «превратилась в самобытную мир-экономику со своим собственным институциональным порядком», внутренняя логика развития которой была нацелена на изоляцию и стремление избегать взаимодействия с другими мирами-экономиками (Побережников, 2013: 254).

Территории Хивинского ханства и Бухарского эмирата как фронтальные, впервые предложил рассматривать Р.Ю. Почекаев (Почекаев, 2013: 174–190; Почекаев, 2016а: 172–184). Исследователь убежден, что политика России в национальных окраинах вполне соответствовала стандартам фронтальной модернизации и сопровождалась их интеграцией в имперское пространство, милитаризацией региона, формированием военизированной системы административно-территориального управления и социокультурной ассимиляцией коренного населения (Почекаев, 2013: 176).

4. Результаты

Курс на фронтальную модернизацию Хивинского ханства и Бухарского эмирата обозначился в середине 80-х гг. XIX в. после урегулирования «афганского вопроса» в англо-русских отношениях. Однако архивные документы свидетельствуют о том, что четкого представления о содержании реформ и их конечной цели у политических кругов Российской империи не было. Принятию конкретных шагов в данном направлении предшествовали многочисленные дискуссии и обмен мнениями на заседаниях Особых совещаний. При этом региональные органы власти в лице туркестанских генерал-губернаторов и военных губернаторов областей Туркестанского края призывали к более решительным действиям в отношении Хивы и Бухары вплоть до прямой аннексии их территорий. Министерские чиновники традиционно придерживались более умеренных позиций и призывали не форсировать события. Их стремлением сохранить стабильность в регионе и избежать конфронтации с политическими элитами двух государств объясняется, на наш взгляд, тот факт, что каждая конкретная реформа, направленная на трансформацию политической и экономической системы Бухарского эмирата и Хивинского ханства, осуществлялась только после согласования с эмиром и ханом и проводилась от их имени.

Административно-политический контроль за деятельностью бухарского эмира стал официально осуществлять с 1885 г., когда в рамках нового российско-бухарского договора в Бухаре было учреждено Российское императорское политическое агентство. В первые годы XX столетия последовало усиление надзора за внутривластной ситуацией в эмирате, что было связано и радикализацией ислама и суннитско-шиитскими погромами. Последовательные и активные действия туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова, его взаимодействие с Сеид Алим-ханом привели к открытию в Старой Бухаре в марте 1911 г. полицейского управления. Позднее его филиалы, как и полицейский розыск, были созданы в других крупных городах эмирата (Бахтурина, 2014: 321).

Важным направлением фронтальной модернизации Бухарского эмирата и Хивинского ханства стал ряд экономических реформ, носивших протекционистский характер. С целью повышения конкурентоспособности российских товаров на центральноазиатских рынках и вытеснения английской продукции было принято решение о включении Бухары и Хивы в Российскую таможенную зону (Почекаев, 2016а: 175). Разработка плана реализации реформы осуществлялась на протяжении нескольких лет достаточно сложно. Центральным в нем являлся вопрос о схеме налоговых таможенных сборов в пользу этих государств и России.

Наконец в 1894 г. Особому совещанию удалось согласовать проект устройства «таможенной части в Средней Азии». Проект был внесен на рассмотрение Госсовета и утвержден императором Николаем II 6 июня 1894 г. По проекту для контроля за передвижением товаров и сбора налогов в Хивинском ханстве таможенный пункт открывался в административном центре Закаспийской области – Асхабаде, в Бухарском эмирате – непосредственно в Бухаре и в Келифе (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 33. Л. 8). Содержание и план реализации таможенного договора были согласованы с эмиром Абдул-Ахадом и с хивинским ханом Мухаммад-Рахимом II. Это позволило начать процедуру включения Бухары и Хивы в таможенную зону России от имени самих правителей этих государств. В июле 1894 г. они обнародовали предписания оказывать «всевозможное дружеское содействие русским таможенным властям» в вопросе создания таможенных пунктов (Почекаев, 2016а: 177).

В рамках таможенного союза Россия получила возможность устанавливать новые налоговые сборы на ввозимые в Хиву и Бухару, а через них, транзитом в Россию, товары. Наиболее высокие тарифы были установлены на чай, индиго, кисею, которые поступали на центральноазиатский рынок из Британской Индии. Одновременно начался усиленный вывоз из России промышленных товаров, доля которых на рубеже XIX–XX вв. составляла 96,5 % всех товаров, ввозимых на территорию Бухарского эмирата (История Узбекской..., 1968: 378). Однако успехи протекционистской политики России, связанные со включением Хивинского ханства и Бухарского эмирата в единую таможенную зону, значительно омрачались проблемой зякета.

Налоговая система двух государств была основана на единоличном праве их правителей собирать зякет – религиозный мусульманский налог – в свою пользу. Формальным основанием для этого являлось позиционирование хивинским ханом и бухарским эмиром своей власти как не только светской, но и духовной. Зякет имел очень неопределенный объект обложения, что позволяло

среднеазиатским правителям устанавливать его, в том числе, и на товары, ввозимые в пределы Хивы и Бухары иностранными/российскими купцами. В таможенном договоре 1894 г. данный вопрос не получили правового урегулирования. Это привело к параллельному функционированию российских таможенных постов и местных «закятчи» и к фактически двойному налогообложению российских товаров (Хорошкин, 1876: 294–285).

Сложившаяся ситуация обсуждалась на уровне правительственных кругов Российской империи. Однако, не смотря на все ее несовершенство, речь о кардинальной модернизации и отмене зякета не велась. Главное, на чем было сосредоточено внимание российских чиновников – это концентрация усилий на защите интересов российского купечества. В 1895 г. по настоянию исполняющего должность туркестанского генерал-губернатора Д.И. Субботича, Мухаммад Рахим-хан II издал распоряжение о прекращении «всякого рода торговых сборов и зякета с тех хивинских подданных, которые покупают товары у русских купцов» (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 33. Л. 12). Однако, вопрос об отмене налогообложения российский купцов в пользу хивинской казны, так и не был решен положительно вплоть до 1917 г. Не удалось добиться положительного результата в решении проблемы выплаты русским купечеством зякета и в Бухарском эмирате. Все усилия туркестанской администрации и политического агента в Бухаре в данном направлении оказались напрасными (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 33. Л. 12).

Либеральная позиция России в вопросе реформирования налоговой системы Бухарского эмирата и Хивинского ханства объясняется, на наш взгляд, рядом обстоятельств. Во-первых, сохраняя главный мусульманский налог – зякет, Россия подчеркивала формальную независимости Хивы и Бухары от империи. Во-вторых, реформирование налоговой системы этих государств, структурированной в рамках шариата, неизбежно привело бы «к открытому противостоянию с влиятельным мусульманским духовенством и консервативными политическими кругами обоих ханств». Именно поэтому российская администрация отдавала предпочтение в решении проблемы более либеральным методам – дипломатическим переговорам и консультированию властей Бухары и Хивы, что в конечном итоге снижало эффективность предпринимаемых в данном направлении усилий (Почекаев, 2015).

Не менее значимым моментом фронтальной модернизации стало поэтапное изъятие из обращения хивинских и бухарских денежных знаков и включение этих государств в рублевую зону. Хива и Бухара имели собственные денежные системы и чеканили серебряные монеты под названием кокан или теньга. После завершения присоединения территории Туркестана в состав Российской империи, региональные органы власти стали принимать хивинские и бухарские деньги от местного населения для выплаты налогов в пользу российской казны, рассчитывая их по стоимости 20 копеек за штуку. При этом на 1890 г. официальный курс серебряной монеты, в чистом весе содержащегося в нем серебра, составлял для хивинских коканов – 15,04 коп., бухарской теньги – 14,32 коп. серебра (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 33. Л. 79).

В ноябре 1890 г. Правительственный сенат принял решение о поэтапном изъятии из обращения «туземной деньги» на территории Туркестанского генерал-губернаторства. С 1 мая 1895 г. должен был полностью прекратиться прием коканов и теньга в кассы Министерства финансов Российской империи (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 33. Л. 79об.). Однако падение курса серебра на мировых рынках в начале 1890-х гг. вынудило российское правительство внести коррективы в финансовую политику и завершить изъятие бухарской серебряной монеты – теньги к августу 1893 г. В Хивинском ханстве серебряная монета находилась в обороте до конца срока выплаты ханом контрибуции России, предусмотренной российско-хивинским договором 1873 г. Последняя выплата по контрибуции была проведена в 1900 г., после чего чеканка кокана в Хиве прекратилась (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 33. Л. 80).

Позитивная динамика торговли и рост численности российских подданных в Бухаре и Хиве поставила на повестку дня вопрос о правовом урегулировании возникающих между ними и коренным населением судебных вопросов. По российско-бухарским соглашениям российские подданные были изъяты из сферы действия местной юриспруденции и российский политический агент в Бухаре с 1888 г. наделялся правом производить следствие и разрешать судебные дела, возникавшие между русскими и бухарцами. В ряде случаев он вместе с русскими мировыми судьями, действовавшими на территории русских поселений в Бухарском эмирате, имел возможность рассматривать дела, возникавшие между самими бухарцами; эти решения приравнивались к вердиктам шариатских судов (Лагофет, 1909: 145–146).

В начале XX в. последовало дальнейшее расширение сферы российской судебно-правовой системы в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве. Так, в примечании к ст. 117 Положения об управлении Туркестанским генерал-губернаторством от 1906 г. были закреплены правила функционирования «мировых судей в Бухарском ханстве, Самаркандского окружного суда и российского политического агентства в Бухаре». В компетенцию мировых судей переходили все уголовные и гражданские дела, связанные с проживающими в эмирате русскими подданными и иностранцами-христианами, а также дела между Государственным банком и частными лицами. Меры к исполнению решений данных судов в пределах Бухарского эмирата принимались по просьбе истцов российским политическим агентством в Бухаре (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 33. Л. 193).

Гражданские и уголовные дела, возникающие между русскими-подданными и коренным населением, в которых ответчиками являлись коренные жители, подлежали ведению Российского

политического агента в Бухаре. Последний рассматривал такую категорию дел «сообразно местным законам и обычаям», для чего проводил консультации с бухарским эмиром. Эту же категорию дел политический агент мог рассматривать в роли третейского судьи, при условии, что обе стороны, и истец, и ответчик этого пожелают. Решение третейского судьи не могло быть обжаловано.

Хивинское ханство на основании указа императора Николая II от 2 июня 1898 г. «О расписании окружных судов» было отнесено к ведению Самаркандского окружного суда, а территория ханства разделена между двумя мировыми судьями (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 33. Л. 192об.). В 1909 г. по ходатайству генерал-губернатора Туркестанского края Д.И. Субботича в Хиве были введены судебные правила, аналогичные действующим на основании Туркестанского положения 1906 г. в Бухарском эмирате (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 33. Л. 194).

Интеграция Хивы и Бухары в российское экономическое пространство, помимо расширения торговли, осуществлялась посредством расширения производства товарного хлопка для российской текстильной промышленности, строительства сети железных дорог (Тухтаметов, 1977: 273), интеграции в российскую банковскую систему. К началу XX в. русские капиталовложения в Бухарский эмират достигли крупных объемов – семь отделений русских банков в основном занимались кредитованием расширяющихся производств каракуля и шерсти, а также хлопкосеянья. Значительные капиталовложения были привлечены в начале XX в. для работ по ирригации и орошению наименее развитых и малонаселенных территорий Бухарского эмирата в бассейне реки Кашка-Дарьи (Хотамов, 1990: 56–62).

Завершая анализ направлений фронтальной модернизации Бухарского эмирата и Хивинского ханства, несколько слов следует сказать о военной реформе. Она была нацелена на создание регулярных «национальных» воинских частей по принципу казачьих бригад, которые должны были нести службу непосредственно в центральноазиатском регионе. Таким образом, туземцы Хивы и Бухары, в отличие от коренного населения Степного края и Туркестана, не освобождались от воинской повинности (Почекаев, 2016b: 204–209). Столь не рациональный подход, с точки зрения безопасности российских интересов в регионе, объяснялся убежденностью политических кругов страны в низкой боеспособности хивинской и бухарской армий, а также в лояльности хана и эмира, целенаправленно интегрированных в военную систему Российской империи и имевших офицерские чины (Почекаев, 2016b: 206).

Реализация военной реформы в Бухарском эмирате началась в 1895 г. по просьбе эмира. В ходе нее были созданы 12 линейных пехотных батальонов – сарбазов, одна гвардейская рота – джиляу, две крепостные артиллерийские роты и конная милиция (Холикова, 2014: 399–402). Однако, по оценкам современников, бухарская армия после реструктуризации продолжала оставаться крайне слабо подготовленной и не могла действовать в условиях современной войны (Логофет, 1911). Территориальная замкнутость Хивинского ханства, его отдаленность от границ Российской империи и отсутствие транспортных коммуникаций исключали возможность реализации военной реформы. Поэтому вопрос о формировании регулярных частей в ханстве на высшем уровне даже не обсуждался.

«Терпимая» политика России в отношении центральноазиатского мусульманского анклава и мягкие формы и методы фронтальной модернизации привели к формированию оппозиционно настроенной части российского политического истеблишмента, настаивающей на кардинальном разрешении «бухарского» и «хивинского вопросов». Осенью 1909 г. по инициативе туркестанских властей состоялся ряд совещаний, в ходе которых туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов и поддержавший его самаркандский военный губернатор Н.В. Галкин призвали ускорить процесс реформирования Бухарского эмирата и Хивинского ханства с последующей их аннексией. В пользу это решения приводился ряд аргументов: необходимость защиты «русских интересов» в Хиве и Бухаре, нестабильная религиозная ситуация, связанная с противостоянием суннитов и шиитов, деспотический характер верховной власти и т.д. (Бахтурина, 2014: 320).

Петербург инициативу туркестанской администрации в целом поддерживал. Особое совещание при Совете министров в 1910 г. признало целесообразным присоединение Бухарского эмирата к России, но при условии предварительного проведения целой серии реформ. Предлагалось в ближайшем будущем ввести российскую администрацию и создать систему управления эмирата по российскому образцу; создать российскую модель формирования чиновничества, финансово-налоговую систему с ее разделением на «государственную казну» и «казну эмира»; ликвидировать «игрушечную армию» эмира, усилив взамен гарнизоны российской армии (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 614. Л. 12–17об.). Однако вплоть до 1917 г. конкретных шагов в реализации намеченной программы реформ предпринято не было.

Целесообразность аннексии Хивинского ханства была призвана еще в 1910 г. в ходе петербургских совещаний представителей Совета министров. Однако к разработке конкретного плана реформ в Хиве российское правительство подошло только накануне первой мировой войны. Инертность властей объяснялась не столько территориальной отдаленностью и замкнутостью ханства, сколько наличием во внутривосточной ситуации сложных межэтнических туркменско-казахско-каракалпакских проблем и сильной антиханско-русской оппозиции. Поэтому, как и Бухарский эмират, Хивинское ханство сохранило своей автономный статус вплоть до революционных событий 1917 г.

4. Заключение

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. Российская империя реализовала в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате ряд реформ, направленных на интеграцию в общеимперское пространство и носивших модернизационный характер. Осторожность и взвешенная позиция российского правительства в вопросе о конечной цели фронтальной модернизации Хивы и Бухары привела к тому, что к 1917 г. оба государства сохранили статус формально независимых. Однако интегральные задачи были решены в известной степени достаточно успешно, что подготовило почву и позволило большевикам несколько лет позже аннексировать Хивинское ханство и Бухарский эмират, завершив формирование границ российского государства в центральноазиатском регионе.

Литература

- Агеев, 1997** – Агеев А.Д. Американский «фронт» и «сибирский рубеж» как факторы цивилизационного разлома // *Американский и сибирский фронт*. Вып. 2. Томск, 1997. С. 30–31.
- Алексеев, 2017** – Алексеев В.В. Фронтальная модернизация в имперской России // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. 2017. Т. 17. № 2. С. 6–13.
- Басыров, 2002** – Басыров Р.Р. Теория модернизации и история Башкирии XVIII в. // *Человек. Природа. Общество*. СПб., 2002. С. 460–463.
- Бахтурина, 2014** – Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. 388 с.
- История и историография, 1989** – История и историография национально освободительных движений второй половины XIX – начала XX в. в Средней Азии и Казахстане: итоги, поиски, перспективы изучения. Ташкент, 1989. С. 43–49.
- История Узбекской** – История Узбекской ССР. Ташкент. 1968. 653 с.
- Касымбеков, 1978** – Касымбеков К. Ф. Из истории народных движений в Фергане в конце XIX – начале XX вв. Ташкент, 1978. 87 с.
- Лагофет, 1909** – Лагофет Д.Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909. С. 145–146.
- Парфенов, 1991** – Парфенов И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX в. (Движущие силы, формы и методы). М., 1991. 188 с.
- Побережников, 2011a** – Побережников И.В. Азиатская Россия: фронтальная модернизация // *Известия Уральского федерального университета*. Т. 96. 2011. № 4. С. 191–203.
- Побережников, 2011b** – Побережников И.В. Фронтальная модернизация в контексте российской цивилизации // *Модернизация в цивилизационном контексте: российский опыт перехода от традиционного к современному обществу*. Екатеринбург, 2011. С. 47–61.
- Побережников, 2012** – Побережников И.В. Административный фактор в контексте фронтальной модернизации Урала XVIII–XIX вв. // *Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI века)*. Оренбург, 2012. С. 17–20.
- Побережников, 2013** – Побережников И.В. Фронтальная модернизация как российский цивилизационный феномен // *Россия реформирующаяся*. М., 2013. Вып. 12. С. 246–274.
- Почекаев, 2013** – Почекаев Р.Ю. Эволюция налогообложения в Казахстане в XIX веке в контексте фронтальной модернизации // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2013. № 4. С. 174–190.
- Почекаев, 2015** – Почекаев Р.Ю. Ислам, налоги и империя: налоговый институт зякет в Бухаре и Хиве в эпоху российского протектората // *Страны и народы Востока*. Вып. XXXVI: Религии на Востоке. М., 2015. С. 97–112.
- Почекаев, 2016a** – Почекаев Р.В. Включение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в таможенную черту Российской империи (1895 г.). // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2016. № 3. С. 172–184.
- Почекаев, 2016b** – Почекаев Р.Ю. Казачьи «мотивы» в военном деле Бухары и Хивы под российским протекторатом // *Средневековые тюркско-татарские государства*. 2016. № 8. С. 204–209.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив
- Резун, Шиловский, 2005** – Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. 289 с.
- Тухтаматов, 1977** – Тухтаматов Т.Г. Россия и Бухарский эмират в начале XX века. Душанбе, 1977. 320 с.
- Халфин, 1965** – Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90 гг. XIX в.). М., 1965. 468 с.
- Хорошкин, 1876** – Хорошкин А.П. Заметка о зякете в Бухарском ханстве // *Сборник статей, касающихся до Туркестанского края*. СПб., 1876. С. 294–295.
- Холикова, 2014** – Холикова Р.Э. Из истории военного дела в Бухарском эмирате // *Молодой ученый*. 2014. № 9 (68). С. 399–402.
- Хотамов, 1990** – Хотамов Н.Б. Роль банковского капитала в социально-экономическом развитии Средней Азии (начало 90-х годов XX в. – 1917 г.). Душанбе, 1990. С. 56–62.

Shaydurov, 2014 – *Shaydurov V.N.* Jews and their place in the social structure of Siberian society in the XIX century // *Bylye Gody*. 2014. 32 (2). pp. 239–244.

Lysenko et al., 2015 – *Lysenko Yu.A., Anisimova I.V., Bochkareva I.B.* Elements of European Political Culture in the Central Asian National Outskirts of the Russian Empire: Perception Specifics of Foreign Cultural Innovations (late 19th – early 20th) // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 38. Is. 4. pp. 955–964.

Turner, 1947 – *Turner F.J.* The Frontier in the American History. New York, 1947.

References

Ageev, 1997 – *Ageev A.D.* (1997). Amerikanskiy «frontir» i «sibirskiy rubezh» kak faktoryi tsivilizatsionnogo razloma [American frontier" and "Siberian frontier" as factors of a civilizational breakdown]. *Amerikanskiy i sibirskiy frontir*. Vol. 2. Tomsk. pp. 30–31. [in Russian]

Alekseev, 2017 – *Aleksetv V.V.* (2017). Frontirnaya modernizatsiya v imperskoy Rossii. [Frontier modernization in imperial Russia]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta*, T. 17, Nr.2, pp. 6–13. [in Russian]

Basyirov, 2002 – *Basyirov R.R.* (2002). Teoriya modernizatsii i istoriya Bashkirii XVIII v. [The theory of modernization and history of Bashkortostan]. *Chelovek. Priroda. Obschestvo*. St. Petersburg. pp. 460–463. [in Russian]

Bahturina, 2014 – *Bahturina A.U.* (2014). Okrainyi Rossiyskoy imperii: gosudarstvennoe upravlenie i natsionalnaya politika v godi pervoy mirovoy voyni (1914–1917 gg.). [Outskirts of the Russian Empire: Public Administration and National Policy during the First World War]. Moscow. [in Russian]

Istoriya i istoriografiya, 1989 – History and historiography. Istoriya i istoriografiya natsionalno osvoboditelnykh dvizheniy vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. v Sredney Azii i Kazahstane: itogi, poiski, perspektivy izucheniya. [History and historiography of national liberation movements of the second half of the XIX – early XX century. in Central Asia and Kazakhstan: results, searches, prospects of studying]. Tashkent, 1989. pp. 43–49. [in Russian]

Istoriya Uzbekskoy – Istoriya Uzbekskoy SSR. [History of the Uzbek SSR]. Tashkent, 1968. [in Russian]

Kasyimbekov, 1978 – *Kasyimbekov K.F.* (1978). Iz istorii narodnykh dvizheniy v Fergane v kontse XIX – nachale XX vv. [From the history of popular movements in Fergana in the late XIX – early XX centuries]. Tashkent. [in Russian]

Lagofet, 1909 – *Lagofet D.N.* (1909). Strana bespraviya. Buharskoe hanstvo i ego sovremennoe sostoyanie. [A country without rights. The Khanate of Bukhara and its current state]. St. Petersburg. pp. 145–146. [in Russian]

Parfenov, 1991 – *Parfenov I.D.* (1991). Kolonialnaya ekspansiya Velikobritanii v posledney treti XIX v. (Dvizhuschie silyi, formy i metody). [Colonial expansion of Britain in the last third of the XIX century. (Driving forces, forms and methods)]. Moscow. [in Russian]

Poberezhnikov, 2011a – *Poberezhnikov I.V.* (2011). Aziatskaya Rossiya: frontirnaya modernizatsiya. [Asian Russia: Frontier Modernization]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta*. T. 96. No 4. pp. 191–203. [in Russian]

Poberezhnikov, 2011b – *Poberezhnikov I.V.* (2011). Frontirnaya modernizatsiya v kontekste rossiyskoy tsivilizatsii. [Frontier modernization in the context of Russian civilization]. *Modernizatsiya v tsivilizatsionnom kontekste: rossiyskiy opyt perehoda ot traditsionnogo k sovremennomu obschestvu*. Ekaterinburg. pp. 47–61. [in Russian]

Poberezhnikov, 2012 – *Poberezhnikov I.V.* (2012). Administrativnyy faktor v kontekste frontirnoy modernizatsii Urala XVIII–XIX vv. [Administrative factor in the context of the frontier modernization of the Urals XVIII–XIX centuries]. *Regionalnoe upravlenie i problema effektivnosti vlasti v Rossii (XVIII – nachalo XXI veka)*. Orenburg. pp. 17–20. [in Russian]

Poberezhnikov, 2013 – *Poberezhnikov I.V.* (2013). Frontirnaya modernizatsiya kak rossiyskiy tsivilizatsionnyy fenomen. [Frontier Modernization as a Russian Civilizational Phenomenon]. *Rossiya reformiruyuschayasya*. Moscow. Vol. 12. p. 246–274. [in Russian]

Pochekaev, 2013 – *Pochekaev R.U.* (2013). Evolyutsiya nalogoblozheniya v Kazahstane v XIX veke v kontekste frontirnoy modernizatsii. [Evolution of taxation in Kazakhstan in the XIX century in the context of a frontier modernization]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. Nr. 4. pp. 174–190. [in Russian]

Pochekaev, 2015 – *Pochekaev R.U.* (2015). Islam, nalogi i imperiya: nalogovyy institut zyaket v Buhare i Hive v epohu rossiyskogo protektorata. [Islam, taxes and empire: tax institute zyaket in Bukhara and Khiva in the era of the Russian protectorate]. *Stranyi i narody Vostoka*. Vyip. XXXVI: Religii na Vostoke. Moscow. p. 97–112. [in Russian]

Pochekaev, 2016a – *Pochekaev R.V.* (2016). Vklyuchenie Buharskogo emirata i Hivinskogo hanstva v tamozhennuyu chertu Rossiyskoy imperii (1895 g.). [Inclusion of the Bukhara Emirate and Khiva Khanate in the customs features of the Russian Empire (1895)]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. Nr. 3. pp. 172–184. [in Russian]

Pochekaev, 2016b – *Pochekaev R.U.* (2016). Kazachi «motivyi» v voennom dele Buharyi i Hivy pod rossiyskim protektoratom. [Cossack "motives" in the military affairs of Bukhara and Khiva under the Russian protectorate]. *Srednevekovyye tyurksko-tatarskie gosudarstva*. Nr. 8. pp. 204–209. [in Russian]

- RGIA** – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arhiv. [Russian State Historical Archive]. [in Russian]
- Rezun, Shilovskiy, 2005** – Rezun D.Y., Shilovskiy M.V. (2005). Sibir, konets XVI – nachalo XX veka: frontir v kontekste etnosotsialnykh i etnokulturnykh protsessov. [Siberia, the end of the XVI – the beginning of the XX century: a frontier in the context of ethnosocial and ethno-cultural processes]. Novosibirsk. [in Russian]
- Tuhtametov, 1977** – Tuhtametov T.G. (1977). Rossiya i Buharskiy emirat v nachale XX veka. [Russia and the Emirate of Bukhara at the beginning of the 20th century]. Dushanbe. [in Russian]
- Halfin, 1965** – Halfin N.A. (1965). Prisoedinenie Sredney Azii k Rossii (60–90 gg. XIX v.). [The accession of Central Asia to Russia (60–90's of the XIX century)]. Moscow. [in Russian]
- Khoroshkin, 1876** – Khoroshkin A.P. (1876). Zametka o zyakete v Buharskom hanstve. [Note on the zayak in the Khanate of Bukhara]. *Sbornik statey, kasayuschihsya do Turkestanskogo kraya*. St. Petersburg. pp. 294–295. [in Russian]
- Holikova, 2014** – Holikova R.E. (2014). Iz istorii voennogo dela v Buharskom emirate. [From the history of military affairs in the Emirate of Bukhara]. *Molodoy ucheniy*. Nr. 9 (68). pp. 399–402. [in Russian]
- Hotamov, 1990** – Hotamov N.V. (1990). Rol bankovskogo kapitala v sotsialno-ekonomicheskom razvitiy Sredney Azii (nachalo 90-h godov XX v. – 1917 g.). [The role of bank capital in the socio-economic development of Central Asia (early 90th of the twentieth century – 1917)]. Dushanbe. pp. 56–62. [in Russian]
- Shaydurov, 2014** – Shaydurov V.N. (2014). Jews and their place in the social structure of Siberian society in the XIX century. *Bylye Gody*. 32 (2). pp. 239–244.
- Lysenko et al., 2015** – Lysenko Yu.A., Anisimova I.V., Bochkareva I.B. (2015). Elements of European Political Culture in the Central Asian National Outskirts of the Russian Empire: Perception Specifics of Foreign Cultural Innovations (late 19th – early 20th). *Bylye Gody*. 2015. Vol. 38. Is. 4. pp. 955–964.
- Turner, 1947** – Turner F.J. (1947). The Frontier in the American History. New York, 1947.

УДК 93/94

Бухарский эмират и Хивинское ханство во внешней политике Российской империи: опыт фронтальной модернизации

Юлия Александровна Лысенко ^{a, *}, Юрий Михайлович Гончаров ^a^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен анализ политики Российской империи в отношении Хивинского ханства и Бухарского эмирата. Указанные государства рассматриваются как фронтальный регион центральноазиатских владений России, для которого был характерен ряд признаков: особый политико-юридический статус (протекторат), наличие границы, закрепленной автономной административно-управленческой, судебной-правовой, налоговой системой, иноэтничное население, обладающие отличительным хозяйственно-культурным типом и религиозно-мировоззренческими установками. В связи с этим, российско-бухарские и российско-хивинские отношения рубежа XIX–XX вв. автор предлагает рассматривать как фронтальную модернизацию. Ее целью являлось стирание границы между Россией и ее центральноазиатскими протекторатами, их интеграция в имперское правовое, социально-экономическое и культурное пространство, изменение этнодемографической ситуации посредством «подключения» к процессу русской крестьянской колонизации.

Начало активных модернизационных преобразований в Бухаре и Хиве автор статьи связывает с англо-русским урегулированием «средневосточной проблемы», а также внутренней логикой экономического развития России пореформенного периода, требующей расширения «рынков сбыта» и правового урегулирования внешней торговли в Центральной Азии. Конкретное наполнение преобразований в Хиве и Бухаре было связано с проведением налоговой, денежной, военной реформ, включением двух государств в таможенную зону России и налаживанием российско-бухарско-хивинских торговых отношений, поэтапным усилением административно-политического присутствия и установлением контроля за деятельностью хивинского хана и бухарского эмира. В целом, для фронтальной модернизации Хивы и Бухары были характерны взвешенность и осторожность, поэтапность в проведении реформ, их согласование с правителями двух государств.

Ключевые слова: Российская империя, Хивинское ханство, Бухарский эмират, фронт, модернизация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко), yuriig@yandex.ru (Ю.М. Гончаров)